

Нет автора

Русское слово

1865. 12

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русское слово: 1865. 12 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 474 с.

ISBN 978-5-458-02993-3

ISBN 978-5-458-02993-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

сѣва гдѣ и встрѣтить; взглянуть ли на скотоводство въ степяхъ — въ этихъ первосозданныхъ оазисахъ стадъ и табуновъ, взглянуть ли на хлѣбопашество въ земледѣльческихъ провинціяхъ, въ черноземной полосѣ, въ Южной Россіи и Сибири, — опять вездѣ увидить и почувствуетъ онъ крайнюю, безотлагательную необходимость естественно-научнаго міросозерцанія и примѣненія его къ социально-экономической дѣятельности. А ея-то и нѣтъ. Вездѣ печальная и страшная апатія мысли и торжество грубыхъ силъ природы надъ умомъ человѣка.

А между тѣмъ въ литературѣ нашей одни идеалы смѣняются другими, одно направленіе быстро чередуется съ другимъ. Каждая новая книжка журнала приноситъ въ провинцію разнообразія и глубокія идеи, которыя такъ и остаются идеями, безъ всякаго приложенія къ жизни. Жизнь тащится сама по себѣ, а надежды и стремленія мыслящихъ людей — сами по себѣ. Отчего же весь этотъ провинціальныи міръ представляетъ такое тупое, повсемѣстное противорѣчіе высокимъ идеаламъ науки и литературы? Отчего эти идеалы, какъ горохъ къ стѣнѣ, гвѣнятся къ провинціямъ, и для всѣхъ огромнѣйшихъ провинціальныи массъ проходятъ неумовимымъ голосомъ вопіющаго въ пустынь? Подумаешь, да взглядишься въ дѣйствительный омутъ провинціализма, — и невольно задашься вопросами: да въ идеалахъ ли, въ теоріяхъ ли заключается та искомая сила, которая должна пробудить и обновить громадный міръ русскаго народа? Безспорно, что идеалы дѣйствуютъ благотворно на умственное направленіе и энергію образованныхъ или учащихся молодыхъ поколѣній. Да вѣдь пора же не забывать и ту черную рабочую массу, которая въ исторіи такъ долго и такъ бессмысленно была забыта; а между тѣмъ она составляетъ главную громаду, почти все содержаніе Россіи; меньшинство передъ ней ничтожно. Пора же уничтожить этотъ вредный, неестественный дуализмъ умственный и бытовой, эту, такъ сказать, аристократію мысли, знанія, просвѣщенія — въ меньшинствѣ, отрѣшенномъ отъ дѣла народнаго, и эту демократію невѣжества, суевѣрія и рутинны — въ громадныхъ массахъ работающаго люда, незнающаго и непонимающаго идей и теорій меньшинства. Если оставить это раздвоеніе въ обществѣ и на будущее время, то свѣтлой силѣ меньшинства будетъ постоянно противоdѣйствовать темная сила большинства, и всякое движеніе впередъ сдѣлается невозможнымъ. Не даромъ же масса, чернь и въ настоящее время такъ тупо, недовѣрчиво и даже насмѣшливо относится къ великимъ идеямъ науки и литературы, не понимая ихъ прямой, осязательной пользы для себя. Слѣдова-

тельно, проповѣдуя свои теоретическія идеи для развитія меньшинства, мы должны, въ то же время, скорѣе открывать и указывать и практическіе пути и способы для развитія и распространенія реальнаго просвѣщенія въ рабочихъ массахъ. Для нихъ онъ столько же насущный, животрепещущій вопросъ, какъ и для лучшаго, мыслящаго меньшинства. Гдѣ же, въ чемъ искать средствъ и способовъ для развитія и распространенія естественно-научнаго реализма въ провинціальномъ большинствѣ? Объ этомъ мы скажемъ подробно дальше. Теперь же замѣтимъ только, что не идеалы и вообще не теоретическій путь, а экономическій утилитаризмъ есть, на первой порѣ, лучший путь для того, чтобы мало по малу ввести рабочія массы въ естественно-научную область реализма. Умственное развитіе и просвѣщеніе массъ можетъ идти съ успѣхомъ только параллельно, одновременно съ реальнымъ, экономическимъ развитіемъ ихъ, съ улучшеніемъ ихъ матеріальнаго быта, съ реальнымъ, практическимъ показаніемъ имъ пользы естественно-научнаго просвѣщенія на дѣлѣ, въ практической жизни, въ ея дѣйствительныхъ вопросахъ и потребностяхъ. Для того, чтобы постепенно развить въ массахъ любовь и стремленіе къ естествознанію, имъ нужно на дѣлѣ раскрывать практическую пользу знанія природы и на опытѣ показывать примѣненіе ея къ ихъ экономическому быту. Идеалами и даже школами массы никогда или, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно долго не ввести въ великій храмъ естественно-научнаго реализма. Для рабочихъ массъ лучшими проводниками и училищами реальныхъ идей и знаній скорѣе могутъ быть: 1) фабрики и заводы, устроенные на рациональныхъ, естественно-научныхъ основахъ, съ возможными естественно-научными училищами при нихъ, съ химическими лабораторіями, съ механическими и техническими заведеніями, съ естественно-научными бібліотеками и проч. 2) Разнообразныя экономическія ассоціаціи, имѣющія цѣлью прилагать естественно-научныя знанія, идеи и теоріи къ усовершенствованію разнообразныхъ отраслей народной экономіи: ассоціаціи агрономическія, акклиматизаціонныя, скотоводческія, фабрично-заводскія или технологическія, ремесленныя и проч. Только такимъ утилитарно-образовательнымъ путемъ можно подновлять въ массахъ провинціальныхъ почву для полнаго, высшаго реальнаго образованія, для водворенія въ ихъ темномъ міру естественно-научнаго реализма. Нѣтъ сомнѣнія, что работы этой хватитъ на нѣсколько вѣковъ, что для исполненія ея нужны во сто разъ большія силы, чѣмъ какими располагаетъ въ настоящее время Россія, но безъ этой страдной работы мы не выйдемъ изъ этихъ болотъ, надъ которыми бле-

стать блуждающіе огоньки, освѣщая собою непроглядную тьму и тину, лежащую на днѣ... Я даже думаю, что намъ надо отказаться отъ всякой роскоши образованія и прямо приступить къ тому, съ чего начинается умственная дѣятельность всякаго народа, — съ изученія окружающей его природы и разработки экономическаго быта. Вотъ почему популяризировать науку для насъ очень важно, потому что до сихъ поръ всѣ наши теоріи и идеалы носятъ видъ дѣйствительнаго міра, видъ рабочихъ массъ, для которыхъ знаніе есть реальная потребность и орудіе полезнаго народнаго труда. Удаляя большинство отъ участія въ нашемъ умственномъ прогрессѣ, мы будемъ заниматься бултыхо-болтательнымъ либерализмомъ, на фразяхъ, творить чудеса, а на самомъ дѣлѣ ничего путнаго не дѣлать.

Желая поговорить въ настоящихъ письмахъ о развитіи естественно-научнаго реализма вообще и въ частности въ Россіи, — я считаю нелишнимъ сначала бросить бѣглый взглядъ на нѣкоторыя другія теоріи, наиболѣе ясно высказавшіяся въ нашей литературѣ. Иногда ждешь-ждешь изъ Петербурга новыхъ книгъ и журналовъ, новыхъ матеріаловъ для работъ и, недождавшись ничего, невольно предаешься грустнымъ воспоминаніямъ прочитанныхъ прежде журналовъ, назадъ тому годовъ за пять. Переберешь все, — и въ головѣ образуется хаосъ идей и теорій, знаменующихъ наши неопредѣленныя литературныя партіи, большею частію даже сами для себя необозначившіяся ясно-сознательно. Подумаешь, въ самомъ дѣлѣ, не мало же было выдуманно и у насъ разныхъ теорій, и всѣ онѣ большею частью одна другую поглощаютъ или уничтожаютъ. Мы уважемъ на самыя главныя изъ нихъ.

II.

Первую теорію можно назвать *историко-юридическою*. Эта теорія по преимуществу старалась развивать, съ разныхъ точекъ зрѣнія, идею постепеннаго государственнаго развитія и благоустройства русскаго общества. Исходной и основной идеей ея была та мысль, что благосостояніе русскаго народа зависитъ отъ хорошихъ или правильныхъ государственныхъ учреждений, отъ постепенныхъ политическихъ реформъ — административныхъ, юридическихъ, гражданскихъ, отъ либерально — преобразовательной дѣятельности и умѣ-

ренной опеки правительства. Лучшими представителями этой теории в литературѣ можно назвать Кавелина, Калачева, Бѣляева, Лешкова, Чебышева-Дмитріева, Муллова и проч. Чичеринъ проявился, въ этой категоріи писателей, типомъ ультра-государственного фанатизма, рьянымъ проповѣдникомъ строгой, систематической государственной уніи и централизаціи, или централизаціонно-бюрократическаго государственнаго пантеизма: «государство и народъ, по его метафизико-юридической доктринѣ, — одно и то же, одно цѣлое, государство въ народѣ, народъ въ государствѣ» и т. п. Другіе писатели историко-юридическаго направленія пошли прямо въ разрѣзъ съ доктриной Чичерина, затвердили не объ абстрактной идеѣ государства, не о централизаціи, не о единствѣ государственномъ, не о сліяніи народа съ государствомъ, а о земствѣ, о народѣ, о земскомъ самоуправствѣ, саморазвитіи, самосудѣ и самоуправленіи, о децентрализаціи, о земскихъ сборахъ и объ областныхъ земскихъ собраніяхъ, объ общинахъ сельскихъ и городскихъ, и т. д. Въ томъ числѣ грѣшныя былъ и я: на эти темы я писалъ статьи въ «Вѣкѣ», въ «Отечественныхъ Запискахъ», даже въ «Очеркахъ». До изданія «Очерковъ» земство и земское саморазвитіе было моею *idée fixe*. Подъ земствомъ и земскимъ саморазвитіемъ я разумѣлъ всѣ сферы соціальнаго развитія, всю массу народа со всѣми ея этнографическими видоизмѣненіями, всю совокупность силъ народныхъ — умственныхъ и физическихъ, всѣ интересы и потребности народные — умственные и экономическіе. Я защищалъ инициативу и самостоятельность силъ народа въ дѣлѣ его соціальнаго саморазвитія. Только при свободномъ и равномъ правѣ инициативы и самостоятельности всѣхъ силъ народныхъ, думалъ я, возможно было и могло начаться прогрессивное, здоровое и всецѣлое саморазвитіе народное — и умственное, и экономическое. Вѣря въ инициативу, самостоятельность земства, земскихъ, народныхъ, соціальныхъ силъ, — я вѣрилъ не только въ земскія собранія, въ земскіе банки и т. п. но и въ земскія реальныя училища, въ земскія реальныя гимназіи, въ земскіе реальныя университеты, академіи и т. д. Со времени изданія «Очерковъ», послѣ тяжелаго сознанія своего семинарскаго невѣжества и пустоты, послѣ сознанія въ своей головѣ совершеннаго отсутствія естественныхъ знаній, и послѣ болѣзненной работы и борьбы мыслей, — я сталъ думать, не по своимъ силамъ, о взаимодействіи и взаимно-отношеніи силъ и законовъ внѣшней, физической природы и силъ и законовъ природы человѣческой, о законахъ этого взаимодействія внѣшней и человѣческой природы, о проявленіяхъ ихъ въ исторіи, о значеніи ихъ въ будущемъ соци-

анномъ строй и развитіи народовъ. Хотя я почувствовалъ все свое бессиліе на этомъ новомъ пути мышленія, но все же, сколько могъ, понялъ тогда, что какая бы-то ни была, хоть бы самая совершенная абстрактная социальнo-юридическая теорія не прочна, произвольна, безъ единственно прочныхъ основъ—естественно-научныхъ, физико-антропологическихъ; потому что она ни что иное, какъ временный продуктъ измѣняющейся—отстающей или развивающейся—человѣческой мысли, временная и условная, слѣдовательно произвольная форма склада и настроенія нашихъ метафизическихъ, абстрактно-философскихъ идей и понятій о человѣкѣ, о его физиологическихъ и общественныхъ функціяхъ и отношеніяхъ, объ его соотношеніи съ внѣшнимъ физическимъ міромъ и проч. Всѣ юридическія теоріи, безъ теоріи строго-реальной и экономической, почти ничего не значать, не имѣютъ основы и точки для своего осуществленія и не могутъ вести общества прямо къ главнѣйшей его цѣли—экономическому и умственному развитію и совершенствованію. Сколько бы ни придумывали наши либеральные публицисты самыхъ красивыхъ формъ государственнаго устройства, самыхъ стройныхъ юридическихъ системъ,—они никогда не улучшатъ умственнаго и экономическаго быта народа, если онъ грубъ, неразвитъ, суевѣренъ, невѣжественъ отъ того, что не знаетъ природы, и бѣденъ, неустроенъ, безсиленъ, пассивенъ тоже отъ того, что природы не знаетъ—ни внѣшней, физической природы, ни природы своей земли. Только въ области естествознанія и естествоиспытующаго разума, по мѣрѣ того, какъ будутъ уясняться силы и законы человѣческой природы и силы и законы природы внѣшней, только по мѣрѣ того, какъ будетъ изслѣдована и физиологія отдѣльнаго человѣка и физиологія социальная, только тогда возможно будетъ развитіе истиннаго, рациональнаго или естественнонаучнаго права. Всегда будутъ грубыя преступленія въ обществахъ, всегда будетъ страшный разладъ социальный, борьба интересовъ и страстей, всегда будетъ хаосъ социальнo-юридическій,—пока весь социальный строй обществъ не будетъ имѣть единственно прочной основы—естественно-научной разумности и законности, пока онъ не будетъ основанъ на всеобщемъ знаніи единственно точныхъ и непреложныхъ законовъ внѣшней, физической природы и законовъ природы человѣческой. Для этого надобно, чтобы естествознаніе просвѣтило общество, преобразовало все его міросозерцаніе, и было для нихъ центромъ всеобщаго тяготѣнія къ одной, всеобщей цѣли социальной—къ рационально-экономическому благоустройству и къ интеллектуальному совершенствованію въ борьбѣ съ природой.

Надобно, чтобы рациональная, естественно-научная экономія открывала всѣмъ равно всѣ кладовыя и мастерскія, всѣ фабрики, лабораторіи и магазины естественной экономіи, ея силъ и производствъ.

Наконецъ, надобно, чтобы рациональная, естественно-научная экономія здоровья, гігіена и медицина, по возможности, энергично и разумно предотвращала или ослабляла паталогическое развитіе и направленіе человѣческаго организма, также сильно выражающееся въ разныхъ формахъ и симптомахъ социальнаго патологизма, въ развитіи преступленій, въ гибельной тратѣ человѣческихъ силъ и проч. Конечно, всѣ эти требованія въ настоящее время могутъ еще казаться идеальными, мечтательными. Но вѣдь и метафизическая философія права или абстрактная юридическая теорія тоже плодитъ свои идеалы, строитъ свои мечтательныя, метафизико-юридическія системы, быстро смѣняющіяся одна другою. Да притомъ же у нея вовсе нѣтъ прочной, реальной основы, на которой бы она основывала свои выводы. Одинъ юристъ беретъ въ основаніе англійскія идеи, другой — французскія, третій — нѣмецкія, четвертый — принципы римскаго права и т. д., и всякой, при этомъ, создаетъ свои теоріи, свою философію или метафизику права. И всѣ эти юридическія системы, не имѣя прочной, всеобщей, естественно-научно-реальной основы, быстро рушатся, смѣняются новыми системами, а эти опять новыми и т. д. При видѣ такой шаткости и непрочности юридическихъ основъ социальнаго развитія, очевидно, лучше начать хоть медленную, но единственно надежную работу на самыхъ прочныхъ — естественно-научныхъ основахъ. Тутъ ужъ зданіе не рухнетъ, хоть и медленно будетъ воздвигаться. Реальный, естественно-научный путь, хотя и многотрудный, но единственно-прямой и вѣрный.

Другая теорія, ясно высказанная въ нашей журналистикѣ—*экономическая*. По этой теоріи, сущность, цѣль и основа социальнаго развитія заключается въ экономическомъ благосостояніи всѣхъ классовъ общества. Лучшимъ выразителемъ этой теоріи былъ—переводчикъ и критикъ «Политической Экономіи Милля». Эта теорія сразу подорвала десятки теорій юридическихъ органическихъ, почвенныхъ, славянофильскихъ, классическихъ и т. п. На разныхъ языкахъ—славянофильскихъ, классически-англоманскихъ, русско-лѣтописныхъ, шумными, трескучими, высокоглаголивыми и всякими фразами трещали и трактовали мы о самоуправленіи, объ англійскомъ Selfgovernment, о необходимости возстановленія московской старины, излюбленнаго земскаго самоуправленія временъ Грознаго, о почвѣ,

объ органическомъ развитіи, о самопроникновеніи русскимъ духомъ даже о воспитаніи дѣтей по Несторовой лѣтописи и проч. и проч. И о чемъ мы не трещали и чего не словоизвергали? И гдѣ-то мы не искали счастья русскаго народа? Какихъ потребностей и необходимостей не насчитали мы для него, когда онъ вопилъ: нѣтъ денегъ, не знаемъ ремеслъ и промысловъ, нѣтъ работъ, нѣтъ желѣза, нѣтъ соли, неурожай въ вологодской губерніи, неурожай въ пермской губерніи и т. п.! И вдругъ свѣтлая, здравая, рационально-экономическая критика и теорія возвѣстила намъ: Марса, Марса, печешься и молвишь о мнозѣ службѣ, едино же есть на потребу— прежде всего хлѣбъ насущный, прежде всего нужно, чтобы всѣ были сыты, обезпечены и довольны. Да, подумали мы, — и въ самомъ дѣлѣ вопросъ хлѣба есть вопросъ жизни и слѣдовательно мысли, литературы и науки. Отъ разрѣшенія его зависитъ разрѣшеніе всѣхъ другихъ социальныхъ вопросовъ. Великіе реалисты-естественники, когда мы ихъ стали читать, подтвердили намъ эту истину. «Государственное устройство, говоритъ Либихъ, социальныя и семейныя связи, ремесла, промышленность, искусство и наука, однимъ словомъ все, чѣмъ въ настоящее время отличается человѣкъ, обусловливается фактомъ, что для поддержанія своего существованія человѣкъ ежедневно нуждается въ пищѣ, что онъ имѣетъ желудокъ и подчиненъ закону природы, по которому долженъ необходимую для него пищу произвести изъ земли своими трудами и искусствомъ, потому что природа сама собою не даетъ ему или даетъ въ недостаточномъ количествѣ необходимыя питательныя вещества. Очевидно, что каждое обстоятельство, какимъ-нибудь образомъ дѣйствующее на этотъ законъ, усиливая или ослабляя его, должно обратно имѣть вліяніе на событія человѣческой жизни...» Да, пока существуетъ голодное человѣчество, пролетаріатъ, пауперизмъ, — возможно-ли, мыслимо-ли, чтобы желудочная машина чедовѣческой природы не была тяжелымъ тормазомъ чедовѣчества на пути его высшаго матеріальнаго и умственнаго движенія, а напротивъ служила безпрепятственнымъ естественнымъ локомотивомъ для живого, быстро прогрессивнаго движенія машины мозговой, для прогресса естествоиспытующаго разума. Доволь существуетъ голодное чедовѣчество, можетъ-ли каждый человѣкъ понять, что истинными типами его должны быть будущіе Гумбольдты, Дарвины, Либихи, Уатты и т. п. великіе естествоиспытатели. А мыслимо-ли, возможно-ли, при теперешнемъ экономическомъ строѣ общества вообще и въ частности нашего русскаго, возможно-ли, чтобы не было бѣдныхъ, голодныхъ и слѣдовательно неразвивающихся людей? Ра-

экономическая теория раскрыла намъ, что невозможно никакими историко-юридическими или административными мѣрами искоренить въ мѣрѣ голодъ и бѣдность, перестроить, преобразовать экономическій складъ общества, безъ единственно-могучей и преобразовательной силы—безъ рациональной, естественно-научной экономіи и организаціи рабочихъ и производительныхъ силъ народа, безъ естественно-научныхъ ключей и руководствъ къ разнообразнымъ кладовымъ и мастерскимъ экономіи природы. И въ дѣйствительности все подтверждаетъ эту простую истину. Посмотрите, напримеръ, на нашъ громадный провинціальный людъ рабочий. Безъ свѣта и силы естествознанія, какъ жалкій червякъ, копошится онъ по разнообразнымъ областямъ естественной экономіи русской земли, отъ Карпатовъ до Камчатки. Повсюду онъ хлопочетъ изъ всѣхъ силъ только еще о первыхъ потребностяхъ организма — о пищѣ, одеждѣ, жилищѣ,—и все-таки ѣсть скудно, даже часто скверно и большею частію нездорово; пшеничный хлѣбъ и мясо, и то большею частію вонючее, ѣсть не всегда, а только по праздникамъ; живетъ въ избахъ и домахъ большею частію деревянныхъ, дрянныхъ, полуразвалившихся, грязныхъ и очень нездоровыхъ; при огромности и просторѣ мѣстностей изобильныхъ и здоровыхъ, все-таки часто влечетъ жизнь бѣдственную и чахлую въ мѣстахъ скудныхъ всѣми жизненными дарами природы и заразительныхъ; одежду носятъ изъ самодѣльщины грубой и непрочной, ходятъ большею частію въ лаптяхъ, босикомъ и въ рубищахъ, и только по праздникамъ одѣвается въ чистыя рубашки. Въ качествѣ жалкаго пахаря, пастуха, охотника, рыболова, собирателя ягодъ, грибовъ и саранокъ, полевого луку, пучекъ и т. п. онъ въ потѣ лица и съ измуренными силами остается вѣчно рабомъ окружающей его природы. И все-таки, при всѣхъ хлопотахъ, нѣтъ у него хорошаго скота, а есть выродившіяся породы чахлой, тощей, слабосильной и царшивой животины и влячей, и то ежегодно истребляемыхъ страшными падежами; нѣтъ хорошихъ урожаевъ, и отъ неразумнаго расхищенія почвы они становятся все хуже и хуже, такъ что большинству земледѣльческаго населенія далеко не хватаетъ своего хлѣба на годъ, до новаго урожая; нѣтъ у него хорошаго приготовления и запаса разнаго рода продуктовъ животныхъ и растительныхъ. А какъ часто онъ, какъ червь, исчезаетъ подъ ударами физическихъ силъ, стихій и бѣдствій! Послѣ каждого неурожая смертность увеличивается почти вдвое противъ обыкновенной. Въ 30 лѣтъ послѣдняго столѣтія, въ неурожайные года всегда умирало отъ 1,000,000 до 2,000,000 съ лишнимъ, тогда какъ обык-

вовенно умирало по губерніямъ отъ 800,000 до 900,000 человѣкъ. О разрушительныхъ дѣйствіяхъ эпидемій въ Россіи можно судить по 1848 году, когда, по отчету министра внутреннихъ дѣлъ, больных холерою было 1,686,849, а умершихъ отъ нея 668,012 чел. Гдѣ же, послѣ этого, искать помощи, спасенія и улучшенія народной жизни и дѣятельности въ области экономіи природы! Уже ли въ области историко-юридическихъ или чичеринскихъ идей! Рациональная экономическая теорія рѣшительно отвѣчаетъ: нѣтъ, помощь и спасеніе — единственно въ области естественно-научной экономіи, въ рациональной, естественно-научной дѣятельности разнообразныхъ техническихъ и экономическихъ ассоціацій, въ усиленіи труда и его средствъ, въ естественно-научной экономіи и гигиенѣ рабочихъ физическихъ и умственныхъ силъ народа и проч., и слѣдовательно въ области естествознанія. Да, въ естествознаніи скрывается тотъ искомый ключъ ко всемъ кладовымъ и мастерскимъ, ко всемъ лабораторіямъ и фабрикамъ продуктивной и динамической экономіи природы, который ведетъ прямо въ область рациональной народной экономіи. Посмотрите далѣе на провинціи: что это за экономическій строй. Извѣковѣчная, гостомысловская и домостроевская *старина и пошлина, отчина и дѣдина*, отрицавшая естествознаніе, какъ бѣсовскую силу, пробавлявшаяся суевѣрнымъ, чернокнижнымъ, мифологическимъ, міросозерпаніемъ, вездѣ положила и увѣковѣчила свои первобытныя, палеозоическія основы, слои и формы семейнаго, общественнаго и экономическаго строя, теперь достигшія до степени окаменѣлости. Повсюду, во всехъ рабочихъ массахъ эта гостомысловская и домостроевская старина и пошлина разъ навсегда намѣтила свои допотопныя привычки и потребности, свои допотопныя пути и ухажи промышленныя, свои допотопныя сферы, формы и обычаи труда, теперь закоснѣвшія до рутинной неподвижности въ крестьянской, мѣщанской и купеческой практикѣ ремесленной, промышленной и торговой. Отъ времени родового быта, отъ Рюрика до послѣдняго новорожденнаго въ нашихъ рабочихъ классахъ отчина и дѣдина только и слѣдала, что передавала и продолжаетъ передавать грядущимъ поколѣніямъ эту допотопно-ветошную и жалко-нищенскій навязъ труда; а между тѣмъ народненіе отъ нихъ дѣтей, приращеніе народонаселенія, хоть и вялое, медленное, все-таки идетъ впередъ, растетъ, далеко непропорціонально съ приращеніемъ новыхъ отраслей и способовъ труда, слѣдовательно — новыхъ, усиленныхъ источниковъ и условий обезпеченія. Возможно-ли тутъ, въ этомъ неподвижномъ омутѣ старины, до-потопныхъ, рутинныхъ работъ, ремеслъ

и промысловъ, заколдованномъ отческимъ и дѣдовскимъ благословеніемъ и обычаемъ, возможно-ли тутъ живое экономическое движеніе, возможно-ли развитіе новыхъ и мощныхъ рабочихъ поколѣній, новыхъ и могучихъ силъ и средствъ труда, возможно-ли тутъ развитіе и распространеніе новыхъ видовъ, новыхъ сферъ и отраслей труда? Бородатая стариковщина твердитъ молодымъ рабочимъ поколѣніямъ: «что старо, то свято; что старѣе, то правѣе; что изстари ведется, то не минется; ветхое лучше есть.» Защитники славянофильскаго и такъ называемаго органическаго, историко-паутиннаго плетенія народнаго развитія, въ этомъ застоѣ старины и пошрины видятъ жизненную силу и мощь Россіи. Не то воввѣстила намъ раціональная экономическая теорія. Она сразу потребовала радикальнаго возрожденія рабочихъ классовъ, и основала свою теорію на фізіологическихъ законахъ общества.

Далѣе, вотъ цѣлая половина Россіи, въ лицѣ женщинъ, нарождающихся, какъ извѣстно, въ наибольшей численности противъ мужчинъ, испоконъ вѣка, цѣлое тысячелѣтіе, оставалась и остается праздною, дармоѣдною обузою и потребительнымъ трутнемъ въ уляяхъ мужского труда. Женщина, обладающая могучей силой обаятельнаго и вдохновляющаго вліянія на умы и сердца мужчинъ, надѣленная отъ природы такими-же мозговыми и мускулярными силами, какъ и мужчина, только менѣе развивавшимися, вслѣдствіе вѣковаго неупотребленія, неизощренія, эксплуатаціи,—какой жалкій тормазъ въ экономическомъ прогрессѣ представляла она, въ своемъ заколдованномъ кругу семейнаго очага и терема! Она служила по древне-русскому выраженію, только *хотью* мужчины, нарождала, плодила дѣтей, и не производила ничего для развитія, обезпеченія и совершенствованія своего потомства. Если же въ низшихъ классахъ народа женщина была рабочей силой, то она была чисто рабочей скотиной, работала и страдала вовсе непропорціонально съ силами своей организаціи. Если такимъ образомъ въ извѣковѣчной эксплуатаціи женщины и ея силъ и дарованій погибла, утратилась, въ теченіи вѣковъ, огромная сумма рабочихъ силъ и прогрессивной дѣятельности, то, скажите, возможно-ли тутъ цѣльное, всестороннее, разнообразное и гармоническое развитіе экономическаго прогресса и благосостоянія обществъ? Экономическая теорія раскрыла намъ всю громадную, вопіющую невыгоду женскаго бездѣлья, всю эксплуатацію имъ мужского труда, подняла самые животрепещущіе и настоятельные вопросы о женскомъ трудѣ, объ обществѣ женскаго труда, о женскихъ рабочихъ ассоціаціяхъ и т. п....